

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ

С. Б. ТОШЬЯН

Судьба языка или диалекта, оторванного от основной территории распространения языка той же этнической группы и находящегося в иноязычном окружении, представляет большой интерес. Этот вопрос издавна привлекает внимание наших языковедов. А. М. Селищев одну из главных задач языкознания считал изучение языковых взаимодействий разных этнических групп¹. В Закавказье, в результате специфических условий поселения там русских, различные русские говоры вошли во взаимодействие друг с другом и с местными языками. Здесь как бы налицо весьма благоприятные „лабораторные“ условия для исследования проблемы взаимодействия языков (диалектов). Речь идет об изучении русских говоров духоборов, молокан, староверов, баптистов и т.д., а также военных поселенцев в Азербайджане, Грузии и Армении, об изучении процессов и результата взаимодействия их друг с другом и с языками местных народов. Так, в Калининском районе Армянской ССР, где русские живут в окружении армян и азербайджанцев, а во внешних сношениях соприкасаются и с грузинским населением, различные русские говоры (говоры русских молокан и военных поселенцев) находятся во взаимодействии друг с другом и с языками этих народов — с армянским, азербайджанским и грузинским языками.

Говоры сектантов в Закавказье, относящиеся к говорам мест сравнительно нового поселения, какими являются также русские говоры Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, в силу длительной оторванности, изолированности от основной территории распространения русского языка и принадлежности их носителей до революции к различным религиозным сектам, были лишены связи с центрами русской культуры и русскими городами вообще и влияния литературного языка почти не испытывали. Последнее усугублялось еще и тем, что во многих сектантских селах отсутствовали школы, как и другие очаги культуры, ибо сектанты, боясь влияния православной церкви, в школу своих детей не отдавали.

¹ А. М. Селищев. Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис, Ученые записки лингвистической секции, РАНИОН, 1927, т. I, стр. 35

Исследование процессов и результата взаимодействия русских говоров друг с другом, а также с языками местных народов имеет важное теоретическое значение для решения проблемы развития диалекта в условиях иноязычного окружения. Эти говоры, наряду с говорами основной территории образования русского языка, имеют определенное значение и для решения диалектологических проблем, связанных с историей русского языка. В силу особых исторических условий в русских говорах в Закавказье сохранены такие явления и архаические особенности, которые в русских говорах европейской части СССР в результате общего процесса нивелировки диалектных различий под влиянием нормализованного типа национального языка уже давно утрачены.

Наконец, изучение их имеет и практическое значение, поскольку подобная работа является как бы лабораторной практикой, способствующей более прочному усвоению языковых дисциплин студентами и поднятию научно-лингвистической квалификации преподавателей. Важно при этом учесть и воспитательное значение диалектологической работы, которая, как известно, проводится в общении с народом.

Исследование русских говоров в местах новых поселений, в силу большой отдаленности их от центров нашей страны, о основном должно вестись силами местных кадров. В настоящее время во всех Закавказских республиках имеются специалисты по русской диалектологии. Их преимущество, по сравнению с работниками других вузов и научно-языковедческих организаций страны, заключается не только в территориальной близости к объекту исследования, следовательно в наличии больших возможностей для организации частых экспедиций в русские села в Закавказье, но и в том, что они владеют языками местных народов. Можно быть уверенным, что диалектологи братских республик Закавказья, объединив свои усилия, доведут эту работу до конца. Но работа должна вестись под общим руководством сектора диалектологии Института русского языка АН СССР, чтобы была планомерной и более целенаправленной.

Работу по изучению русских говоров, которая должна соответствовать требованиям лингвистической науки, никоим образом нельзя откладывать. В условиях социалистической действительности, с изменением экономического быта, роста культурного уровня деревенских масс, словом, осуществлением культурной революции в деревне, говоры повсеместно теряют свои специфические особенности и постепенно растворяются в общенародном национальном языке. Этот процесс нивелировки русских говоров и их растворение в общенародном языке, ввиду строительства крупных городов (например, города Раздан в Армении) на месте некоторых русских селений или расширение городов за счет последних (вхождение Папанино и Головино в черту Дилижана), в ближайшие годы примет весьма интенсивный характер. Понятно, что изучение русских говоров в Закавказье может быть успешным лишь при условии включения этой работы в научно-исследовательский план кафедр русского языка.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы свидетельствует о том, что восточная часть картографированной территории, заселенная в позднее время и, вероятно, из разных мест, характеризуется не сплошным и компактным распространением диалектных особенностей, а наличием нечетких линий; диалектные явления здесь часто проникают друг в друга и образуют островки за линией изоглоссы². Несомненно, что такая же картина будет в Закавказье, где поселения русских относятся к более позднему времени — к первой половине XIX века, после присоединения Закавказья к России, и были основаны выходцами из различных губерний³.

В Закавказье насчитывается около 150 русских селений. Большинство этих сел находится в Азербайджанской ССР, где количество их достигает более 80-и; остальные расположены на территории двух других республик — Грузии и Армении⁴. Так, на территории Армении, наряду с Калининским районом, куда входят Калинино (бывш. Воронцовка), Привольное, Саратовка, Круглая Шишка, Новосельцево, Михайловка, Петровка, Благодарное, Медовка, русские села ныне имеются в Степанаванском, Красносельском, Кироваканском, Иджеванском, Севанском и Разданском районах. Лишь в Шемахинском, Астрахан-Базарском, Хачмасском районах Азербайджанской ССР имеется более двух десятков русских селений: Чухурюрт, Кировка, Маразы, Хильмили, Марьевка, Астраханка, Держиновка; Пришиб, Привольное, Новоголовка Низовая, Андреевка, Кировка, Покровка, Петровка; Нарань, Алексеевка, Еленовка, Ново-Николаевка, Васильевка, Низовая. В Богдановском районе Грузинской ССР имеются такие селения, как Богдановка, Горелое, Орловка, Ефремовка, Спасовка, Троицкое. Имеются русские села в Кабулетском районе, в Самгори, в районе озера Тапаровани и т. д.

Все русские села в Закавказье по их языковым данным могут быть в основном разделены на две группы, что связано с историей заселения этих населенных пунктов, с историей их возникновения⁵.

К 1-ой группе относятся села, сложившиеся полностью или частично как военные поселения или возникшие позднее на базе этих сел. Многие из них возникли на месте военных постов и крепостей.

К селениям 2-ой группы относятся села, возникшие как сектантские поселения (молокан, духоборов, староверов, баптистов и др.).

² См. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, М., изд. АН СССР, 1957, стр. 112.

³ Быт русских крестьян Борчалинского уезда Тифлисской губернии, Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, 1902, в. 31, стр. 100; А. Ф. Лястер, Пригуны в Эриванской губернии, Памятная книжка Эриванской губернии на 1912 год, Эривань, 1912, стр. 1, 2.

⁴ См. Микиртун, автореферат диссертации «Русские говоры в Азербайджане»; А. А. Хидешели, Русские говоры на территории Грузии, Тезисы докладов на 4-ом межобластном совещании диалектологов в г. Ростове-на-Дону, 1958; С. Б. Тошьян, Говоры русских переселенцев в Армянской ССР, Ученые записки Ереванского русского пединститута, т. 4, Ереван, 1955, стр. 227—230.

⁵ А. А. Хидешели, указ. соч.; С. Б. Тошьян, указ. соч.

Могут быть выделены и села позднейшего происхождения (конца прошлого и начала XX века), но количество их весьма незначительно; в языковом отношении они примыкают ко 2-ой группе.

Поселения обоих типов были основаны, как указывалось, выходцами из различных губерний. Но состав первоначальных военных поселений, в отличие от сектантских, в диалектном отношении был весьма неоднородным: наряду с русскими, здесь были выходцы и с Украины, а в некоторых селах и из Польши.

Б. Ф. Михайлов, изучавший в десятых годах нынешнего столетия говоры военных поселенцев русских Гергер, Джалал-Оглы и Привольного, отмечает, что первоначально этнографический состав военных поселений отличался пестротой⁶. Основываясь на фамилиях тогдашних жителей этих сел, он пришел к выводу, что „малороссийский элемент достигал в некоторых поселках 10—12%, а польский — 1—4%“.

Спустя 70 лет со времени возникновения этих сел, как указывает Михайлов, говорить о самостоятельном существовании в них этих этнических групп уже не приходится: „В процессе слияния великороссы, малороссы и поляки составили этническое целое с преобладанием элементов великорусского“⁷. И, далее, касаясь языковой стороны этого процесса, он отмечает: „Эта внутренняя перетасовка сказалась в присутствии полонизмов и малоруссизмов“⁷.

В рамках каждого из населенных пунктов того и другого типа говоров, которые возникли более ста лет тому назад, в процессе взаимодействия между разными группами первосельников⁸ со временем установилась определенная языковая система, выработался единый тип говора, тогда как между этими селами полного единства в языковой системе не установилось. Это объясняется слабостью или полным отсутствием экономических и культурных связей, обусловленными неравномерностью размещения сел и их большой удаленностью друг от друга, когда одно село от другого разделяют многие нерусские селения.

Поскольку основная масса первосельников обоих типов вышла из южно-великорусских областей, со временем установились типичные, близкие между собой южновеликорусские говоры с характерными для них некоторыми заимствованиями из языков народов Закавказья.

В настоящее время различия между говорами военных поселенцев и сектантов незначительны и, главным образом, они наблюдаются в лексике.

Говоры поселенцев, которые, как указывалось, в самом начале своего возникновения отличались в диалектном отношении большой неоднородностью, наличием вместе с тем значительного количества украинского и частично других элементов, в языковом отношении являются более неустойчивыми, чем говоры сектантские, сравнительно однообразные с момента их возникновения. Эта неустойчивость выражается в том, что здесь очень часты колебания в отдельных явлениях, имеются дублетные формы. И это наблюдается

⁶ Б. Ф. Михайлов, Некоторые особенности языка русских военных поселенцев Тифлисской губернии, Сборник Отделения русского языка и словесности, т. 89, Спб., 1912.

⁷ Там же.

не только в говоре отдельного села, но и в речи отдельных лиц; причем, характерно, что колебания в основном касаются тех явлений, которые со стороны литературного языка поддержки не находят. Так, наряду с присущими говорам военных поселенцев формами *мóжу, мóжут', ус'ó, ум'és't'и, уп'ир'óт, хóлэднэ, уавóр'ут', бýлэ* и т.д., употребляются и формы *мау́, мау́т', фс'ó, вм'és't'и, фп'ир'óт, хэладнó, уэвар'át', былó*. Можно сказать, что в тех явлениях, которые в литературном языке не встречаются, определенная закономерность отсутствует, наблюдается разнობой.

Свидетельством того, что в составе первых поселенцев были представлены и украинцы, являются, помимо данных Б. Ф. Михайлова, сохранившиеся до настоящего времени, т.е. спустя более ста лет, элементы украинского языка, отмеченные в этих говорах исследователями Грузии и Армении⁸. К ним относятся:

1) употребление **и** на месте старого **ѣ** под ударением в ряде слов (*ум'йс'т'е* и др.);

2) наличие гласных более полного образования во II и III предударных и заударных слогах (*ф-сáлнцáх, хáршóб, захат'éли, уалавá, стáрста, éтава уóрада, хóлат, вýмал*);

3) частичное отвердение **р** перед гласными переднего ряда (*гáварýл, умарýл'тс', Дáрыкó, нарэ́жым, арэ́шник, крычáла, старýк*);

4) смягчение губных в сочетаниях **бы, пы, вы, мы** с передвижкой гласного в переднерядную зону, т.е. употребление **би, пи, ви, ми**, вместо **бы, пы, вы, мы**: *бикóф гнал, позабýла фсе песенки, работ'ым ми, умилс'á*⁹.

К остаткам украинских элементов в области фонетики могут быть отнесены:

Употребление в начале слова перед согласным вместо *в* (в том числе предлога-приставки) гласного *у*: *унýк, ус'é, уз'át', уч'ира́, ув'éрх, стáну у д'в'ир'áх, у уóрэд'и*, а также появление **в** перед лабиализованными **о, у** в начале слова: *вон* (он) *упáл, вóсен', онá вúхэм н'ив'ид'óт', вукра́йнка*¹⁰. Последние два явления, наблюдаемые во многих селах военных поселенцев и свойственные, кроме украинского языка, также русскому, ввиду полного их отсутствия в сектантских селах, по-видимому, могут быть рассмотрены как остатки украинского языка.

К элементам украинского языка в области лексики относятся употребляемые в говорах военных поселенцев некоторые слова: *спалóтына* — „сы-

⁸ И. С. Ильинская, Наблюдения над говором русских переселенцев в Закавказье, Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, Изд. АН СССР, 1949; С. Б. Тошьян, указ. соч.; В. А. Жидко, Обзор фонетической системы русского говора Самгори, Труды Тбилисского государственного университета, т. 51, Тбилиси, 1953; А. А. Хидешели, указ. соч.

⁹ Здесь, несомненно, сказалась фонетическая особенность украинского языка — неразличение звуков **ы** и **и**. В украинском языке в соответствии с русскими **ы** и **и** употребляется лишь один гласный звук, средний между ними, близкий по образованию к русскому **ы**, но более продвинутый вперед.

¹⁰ С. Б. Тошьян, автореферат диссертации «Русские говоры в Армянской ССР», М., 1954, стр. 8; В. А. Жидко, указ. соч.

воротка, оставшаяся после сбивания коровьего масла“, *урьцк'й* — „птички“, *п'ьцирч'к'и* — „грибы“, *барантá* — „стадо баранов“, *бджóла* — „пчела“ и др.¹¹

Наконец, остатками украинских элементов, по-видимому, являются употребляемые при обращении личные имена на -о:

Петрó, Фенó, Манó, Ванó, Бабó¹².

Сохранив в той или иной степени особенности диалектных групп, русские говоры в новых условиях их жизни обогатились некоторыми заимствованиями из азербайджанского, армянского и грузинского языков. Среди заимствованной лексики имеются такие слова, которые одновременно бытуют в языке всех перечисленных народов Закавказья.

Заимствованиями, например, из азербайджанского языка являются *бадám* — „миндаль“, *фындб'х* — „мелкий орех“, *нох'уд* — „местный сорт гороха“, *кáтра* — „мул“, *джом'би* — „буйвол“, *ятáх* — „хлев, овин“, *кыштáх* — „зимнее пастбище“, *шанá* — „вилы с шестью рогами“, *п'янджá* — „крестцы“, *батáх* — „болото“ и др.¹³

Из армянского: *чирáк* (или *чарáк*) — „копилка“, *тонд'ур* (или *тан-д'ыр*) — печь, представляющая собой углубление в земле, служащая для выпечки хлеба, *чатáн* — обозначает предмет, который использовался в выючном транспорте, *жарáн* — „джеран“, *ар'ян* — „пахтанье“¹⁴.

Из грузинского: *бинá* — „комната, дом“, *бáмба* — „вата, хлопок“, *комш'и* — „айва“, *джáмка* — „миска, чашка“, *кéва* — „жевательная мастика“, *шáур* — „пятикопечная монета“ и др.¹⁵

К заимствованиям, которые употребляются, можно сказать, у всех народов Закавказья, например, относятся такие слова: *пешк'еши*, *зурнá*, *май-м'ун*, *чув'ал*, *шамп'ур*, *чакмáх*, *бухáр*, *мануал*, *дабáх*, *аварá*.

* * *

Было бы полезным, если бы мы смогли составить диалектологический атлас русских говоров в Закавказье, поскольку карты атласа нагляднее представят результаты взаимодействия говоров разных групп первосельников и различных типов диалектов и отразят картину межязыковых связей. Но, учитывая своеобразие поселения русских и особенности размещения их селений в Закавказье, мы должны выработать отвечающие этим условиям методы лингвистического картографирования¹⁶.

Картографирование диалектных явлений в говорах мест новых поселений, составление карт на различные диалектные явления, установление

¹¹ С. Б. Тошьян, там же.

¹² Там же.

¹³ Микиртун, указ. соч.

¹⁴ С. Б. Тошьян, О некоторых заимствованиях в говорах русских переселенцев в Армянской ССР, Ученые записки Ереванского русского пединститута, т. 3, 1952, стр. 131—136.

¹⁵ А. А. Хидешели, указ. соч.

¹⁶ См. об этом применительно к говорам Западной Сибири у Скворцовой, Задачи изучения русских говоров Западной Сибири, Труды Томского государственного университета, Томск, 1955.

границы их территориального распространения и т.д. связано с большими трудностями. Дело в том, что в большинстве случаев русские говоры в Закавказье представлены не сплошными значительными массивами, а отдельными мелкими островками или же, большей частью, говорами отдельных сел. Обычно они находятся на большом расстоянии друг от друга между нерусскими селами и размещены на территории республик неравномерно. При этом часто наблюдаются значительные различия в говорах соседних сел (что объясняется условиями их заселения), тогда как говоры географически несосредельные, а порою находящиеся в крайних точках территории с русскими селами, между собою являются сходными. Например, молоканское селение Калинино по особенностям своего говора значительно отличается от находящегося в том же районе, в 2-х км и возникшего на базе сел военных поселенцев села Михайловка. И, напротив, оно ничем не отличается от молоканского же говора Нижней Ахты (нынешнего Раздана), находящейся на крайней точке распространения русских говоров в Армении — в 180 км. Правда, встречаются отдельные небольшие массивы с единой языковой системой, но это лишь в тех случаях, когда входящие в данный массив русские селения являются выселками из одного и того же большого села спустя много десятков лет жизни переселенцев в Закавказье или когда поселенцы этих сел с самого начала явились носителями одного и того же говора. Таким образом, одинаковые явления в русских говорах в Закавказье могут наблюдаться в диаметрально противоположных, крайних точках картографируемой территории и, напротив, в двух соседних, почти примыкающих друг к другу пунктах могут наблюдаться взаимно исключаящие друг друга, несходные явления.

Наиболее приемлемым видом диалектологической работы в Закавказье нужно считать монографическое описание говоров, в котором, наряду с описаниями того или иного говора, должны быть выявлены связи его с другими русскими говорами в Закавказье и языками местных народов, прослежено изменение говора (по сравнению с говорами исходных губерний) в результате дальнейшего развития и взаимодействия друг с другом и языками местных народов. При этом, конечно, должны широко быть использованы относящиеся к говорам русских переселенцев опубликованные и архивные материалы¹⁷. Необходимо быстрее опубликовать написанные монографии по русским говорам в Закавказье, что позволит приступить к последующим этапам диалектологической работы: к лингвистическому картографированию и составлению диалектных словарей.

* * *

В связи с имеющимися в русских говорах в Закавказье многими заимствованиями из местных языков, возникает другая проблема — проблема освоения иноязычных слов. Какие именно слова заимствуются, по какому пути, как осваиваются?

¹⁷ Грузинский государственный архив, ф. 7, д. №№ 7625, 8457, 3100, 8625; Саратовский государственный архив, ф. «Канцелярия Саратовского государственного губернатора», дд. №№ 85 за 1841 г., 194, 195, 197, 198 за 1848 г., 85, 77, 93, 146, 287 за 1844 г. и др.

Займствование, в основном, вызывается потребностью взаимопонимания. В новых условиях жизни, в местах, отличающихся от прежних специфическими особенностями быта, экономики, материальной культуры, природных и климатических условий, переселенцы столкнулись с новыми предметами и явлениями, которые должны были получить в языке свое отражение. В процессе языкового взаимодействия с местными народами, чему способствовали существующие с ними тесные экономические и хозяйственные связи, переселенцы усваивают у них названия этих предметов и явлений. Например, для поселившихся в северной части нынешней Армении существовавшие там средства передвижения и транспорта были новы. Были новы и связанные с разными видами транспорта (например, с вьючным) предметы. С перениманием этих предметов и их употреблением в своем хозяйстве, перенимаются и их местные названия, которые оформляются, конечно, по нормам русских говоров. Вот относящиеся к этой области слова: *хурджин*, *чатин*, *чуаил*. Это заимствования, которые вызваны заимствованием самой вещи. См. еще такие как *катра* — „мул“ из азербайджанского (катэр), *комиш* — „айва“, *бамба* — „вата, хлопок“ из грузинского (комши, бамба)¹⁸.

Второй тип заимствований вызван потребностью взаимопонимания с местным населением, с которым были установлены тесные экономические связи. Это слова, которые наиболее часто употребляются при повседневных сношениях с местными жителями. Многие из них являются дублетами, ибо заимствованное слово употребляется наряду со своим словом: *шайур* или *шайы* „пятикопечная монета“, *абасс* или *абасси* „двугривенник“, *манат* „рубель“, *туман* „десять рублей“, *гирванкя* „фунт“, *пянджа* „крестцы“, *кардаш* — „товарищ“, *хурда* „мелочь“, *неч* „ничего“. Возможно, сюда относятся и *хатабал* „беспорядок, скандал“, *хабарда* „берегись“, *нешкеш* „подарок, дар“¹⁹.

Может быть выделена и другая группа — заимствования, которые связаны с категорией неустойчивых слов. Это, по определению Л. П. Якубинского, слова, ограниченные в употреблении, не имеющие прямого отношения к хозяйству, типическому быту. Этого типа заимствование может быть обусловлено мотивами экспрессивного подбора, эстетической выразительности. В категории изобразительных и выразительных слов, как указывает Л. П. Якубинский, в языке, наряду с имеющимися словами, наблюдается постоянное возникновение новых слов, которые являются более выразительными и эмоциональными... Это происходит и за счет своего языкового материала и, в условиях взаимодействия с иноязычным населением, за счет иноязычного²⁰. Сюда можно отнести слова:

¹⁸ С. Б. Тошьян, О заимствованиях в говорах русских переселенцев в Армянской ССР, Тезисы докладов на IV межобластном совещании диалектологов в г. Ростове-на-Дону, 1958, стр. 55—58; А. А. Хидешели, указ. соч., стр. 53.

¹⁹ Микиртуни, автореферат канд. диссертации «Русские говоры в Азербайджане», 1954.

²⁰ См. Л. П. Якубинский, Несколько замечаний о словарном заимствовании, Язык и литература, т. I, в. 1—2, Изд. Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском университете, Л., 1926, стр. 15.

Муша — „носильщик“, *ахлах* — „ненормальный, неразумный“, *май-мун* — „кривляка, обезьяна“, *хасят* — „нрав“, *хатабала* — „беспорядок, скандал“, *чапалах* — „оплеуха“, *матрак* — „резкий удар плетью“, *на-тамадиться* — „напиться пьяным“, *авара* — „аферист“²¹.

Заемствованные слова не только преобразуются фонетически, что объясняется отсутствием в заимствующем языке тех звуков, которые имеются в заимствуемом слове, но они оформляются по грамматическим нормам и словообразовательным моделям русских слов²².

* * *

На первом этапе основным видам диалектологической работы в Закавказье должно быть монографическое описание фонетических и грамматических особенностей говора или групп однородных говоров способом непосредственных наблюдений. Монографическое описание должно охватить следующие вопросы:

- а) система архаического типа говора;
- б) установление характера взаимоотношений между разными русскими говорами;
- в) сравнение изучаемого говора с говорами тех мест, откуда шло переселение в исследуемые населенные пункты²³;
- г) определение места изучаемого говора среди говоров русского языка;
- д) характер развития говоров в условиях оторванности их от основной массы русских говоров метрополии и взаимоотношения с языками закавказских народов;
- е) установление характера взаимоотношения между русскими говорами и литературным языком.

После монографического исследования этих говоров возможно будет приступить к лингвистическому картографированию.

По мере выявления особенностей тех или иных говоров нужно начать всестороннее глубокое изучение их лексики с целью составления диалектных словарей. Необходимость знания особенностей говора перед тем, как приступить к изучению словарного состава, определяется тем обстоятельством, что сбор материалов по лексике предполагает учет языковой специфики, предварительное выявление имеющихся типов говоров.

Jerevano valstybinis rusų ir užsienio kalbų
pedagoginis V. J. Briusovo v. institutas
Rusų kalbos katedra

Iteikta
1962 m. birželio mėn.

²¹ Б. Ф. Михайлов, указ. соч.

²² С. Б. Тошьян, О некоторых заимствованиях в говорах русских переселенцев в Армянской ССР, Ученые записки Ереванского русского пединститута, т. III, 1952, стр. 138—139.

²³ Генетическая связь русских говоров в Закавказье с определенными говорами метрополии может быть установлена, наряду с учетом диалектных данных, также благодаря изучению истории русского населения в Закавказье, что должно быть сделано с учетом архивных и опубликованных источников, связанных с переселением русских в Закавказье. Эта связь может быть установлена и посредством локализации переселенческих говоров на картах атласа говоров метрополии (если такие карты имеются).